

Рыболов - спортсмен

Том 3

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 796
ББК 75.5
Р93

Р93 Рыболов - спортсмен: Том 3 / – М.: Книга по Требованию, 2022. – 224 с.

ISBN 978-5-519-15562-5

Репринт оригинального издания 1952 года.

ISBN 978-5-519-15562-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

РЕГУЛИРОВАТЬ РЫБОЛОВСТВО, ОХРАНЯТЬ РЫБНЫЕ ЗАПАСЫ НАШЕЙ СТРАНЫ

Постановлением правительства СССР «О регулировании рыболовства и охране рыбных запасов» * лов рыбы для личного потребления разрешается всем трудящимся во всех водоемах, за исключением запретных мест, питомников и прудовых рыбных хозяйств, с соблюдением правил, установленных органами регулирования рыболовства.

Правила регулирования рыболовства издаются отдельно для каждого района рыболовства. В этих правилах предусматриваются запретные сроки и места для промысла — постоянные и временные, размер ячей в орудиях лова и ограничение применения тех или иных орудий или способов лова, минимальный размер рыб, ловля которых допускается, и, наконец, предельные нормы вылова по отдельным породам рыб. Теми же правилами запрещается:

1. Применять для лова рыбы взрывчатые, отравляющие или ослепляющие вещества. 2. Занимать ставными или плавными орудиями лова более двух третей ширины реки или протока. 3. Устраивать завалы и заграждения протоков, соединяющих лиманы, ильмени, озера и полои с основными водоемами и между собой, и спускать из них воду. 4. При сплаве леса — засорять нерестовые реки и проходные пути к ним.

Повсеместно запрещается всякого рода сплошное перегораживание рек, ручьев, протоков и канав, а также устройство на них завалов, установка язов, заколов и т. п. При установке промысловых ставных орудий лова одна треть ширины реки или протока по фарватеру должна оставаться свободной.

Также запрещены лов рыбы шашковой и самоловной крючковой снастью, мягким тралом и накидкой; бой всякой рыбы огнестрельным оружием и острогой; применение для лова рыбы взрывчатых и отравляющих веществ.

Этими же правилами запрещен промысловый и любительский лов некоторых видов рыб в водоемах Московской области: **стерляди**

* С. З. СССР, 1935 г., № 50, стр. 420.

(в р. Оке с ее притоками); **сазана** (в водохранилищах канала имени Москвы, в Акуловском и Истринском водохранилищах); **рипуса, чудского сига и рипушки** (в тех же водохранилищах); **леща** (в Истринском и Яхромском водохранилищах); **большеротого окуня** (в Косино, на оз. Белом, в Царицынском парковом пруду, Ленинского района, в Медвежьих озерах, Щелковского района, в Яхромском водохранилище, Дмитровского района) и **орфы** (в оз. Белом и в Царицынском парковом пруду). В тех случаях, когда стерлядь, сазан, рипус, лещ, черный окунь и орфа попадают в орудия лова, их нужно немедленно выпустить живыми и неповрежденными в воду.

Также не допускается добывать ракушку-перловицу с 1 мая по 15-е июня ежегодно и ловить раков во время их линьки.

Предусматриваются ограничения при ловле рыбы сетями, в частности на Оке и ее притоках ячейки в мотне неводов должны быть не менее 26, в приводах — 30 и в крыльях — 36 мм. В других водоемах Московской области эти ячейки соответственно могут быть уменьшены до 22—30 мм. В плавных и ставных сетях для крупного частика ячейки не могут быть меньше 45 мм, для мелкого частика — 22 мм. Длина приводов в неводах не должна превышать более одной трети общей длины невода.

Совершенно определенные требования ставятся и перед промысловыми рыболовными бригадами. Они не имеют права ловить рыбу, раков и ракушек ниже установленного минимального размера. Такими размерами являются следующие: для судака — 26, жерева — 22, леща — 20, язя и голавля — 16, подуста и линя — 14, карася — 12, рака — 9 и ракушки — 7,5 см.

Рыбы, ракушки и раки, менее установленных размеров, должны немедленно выпускаться в живом виде обратно в водоем.

Очень большую и действенную помощь в охране рыбных богатств могут оказать и рыболовы-спортсмены.

Борьба за охрану и приумножение рыбных богатств — наша насущная задача. И чем активнее мы будем осуществлять ее, тем быстрее нанесем удар по пережиткам прошлого, проявляющимся в нехозяйском, браконьерском отношении к народному богатству.

Строгое соблюдение законов об охране рыбных запасов страны неотделимо от борьбы за воспитание культурного рыболова-спортсмена, горячо любящего природу своей Родины.

РАССКАЗЫ И ОЧЕРКИ

СЛЕПОЙ РЫБАК

Ветер стих еще с ночи, но успел закрыть небо плотными облаками. Утро забрезжило поздно. Незаметно оно перешло в сумеречный короткий день.

Пустынные, открытые места. Вокруг ни голоса, ни звука. Над бело-голубой замерзшей рекой тишина...

Под нависшим холодным небом стынут выкошенные пегие болота. Лишь кое-где на них голубеет ранний снег. У горизонта видна жидкая щетинка мелколеся, она тонет в болотной топи.

И нельзя понять: стоят они или текут, серенькие облака. То ли они растворились в зябнущем небе, то ли небо вместе с невидимым солнцем без остатка смешалось с ними? Ненадежный рассеянный свет лениво струится на оголенную равнину.

Поздняя осень устало переходит в зиму. Ноябрьский морозец пропизал все живое и клонит к покою, к безмятежной дреме. Не слышно даже птиц. Эта тишина и простор, и покрытая прозрачным льдом река — все, к чему так рвешься из города, навевают грусть...

Их осталось двое в Доме рыбака. Остальные любители подледного блеснения, прожив здесь по три, четыре дня, двинулись домой почти без улова еще вчера.

Эти двое не знали друг друга, но неудачи сблизили их.

В худощавом старике внимательный наблюдатель узнал бы отставного военного.

«Что же?.. Остается привезти в город вместо рыбы недоеденные горбушки высохшего хлеба с остатками колбасы?» Почему-то возвращение домой без улова неизменно ощущалось как малодушие и позор... «Что же делать?» — не находил выхода рыболов.

— Останусь еще на денек, — виновато сказал он вслух.

Поднял волочившуюся за ним на веревке пешню и острием ее надрезал ледок, образовавшийся в оставленной кем-то лунке. Пробивать новую не хотелось.

— С утра уже семь мест переменял. Только знай руби лунки. А не легко они даются в наши годы...

Выбросив шумовкой осколки льда, он опустил блесну в воду. Она плавно заскользила и на большой глубине легла на дно.

Привычным движением он смотал с полметра лески назад на мотовильца, уселся на бадейку и, неторопливо подергивая короткое удилище, спросил соседа:

— А вы что ж, все на одной лунке?

— Угу. Зачем их менять? — несловоохотливо ответил другой, тоже пожилой человек в подтянутом широком ремнем полушубке и меховой шапке-ушанке, как выяснилось — писатель.

Их разделяло шагов семь. По традиции считается бестактным подсаживаться к незнакомому рыбаку ближе. Помолчали.

— Его, крокодила, искать надо, — неопределенно напомнил взвешенный в отставке (полковник, как выяснилось позже).

— Вчера многие искали. Все равно, даже не стукнул нигде. Что же без толку за ним бегать?

— Сыт, вог и стоит. Первый год такая неудача по перволедку.

Полковник вздрогнул, круто поднял удочку, ловко сбросил одну за другой рукавицы и быстро перехватил натянувшуюся лесу руками. Внизу что-то тяжелое туго подавалось и очень тянуло назад.

— Сел? — с волнением и завистью повернулся к нему сосед.

— Кой черт!.. Задев.

Отложив удочку, полковник достал из бадейки моток бечевы с тяжелым кольцом отцепа. Но когда снова потянул леску, она пошла свободно: очевидно, блесна отцепилась сама. Оно и лучше, меньше хлопот. Он сунул отцеп обратно и продолжал с небольшими паузами подергивать и опускать удочку: вверх, вниз, чуть погодя — еще немного вниз. Пауза на два полных вдоха и выдоха, потом снова вверх. Сколько раз он проделал сегодня это движение?.. Тысячу? Две?

Нет, решительно не стоило оставаться здесь еще на один день. На что он надеялся? Уж не повезет, так не повезет. Но очень не хотелось возвращаться домой без рыбы. И вот еще этот дядя в полушубке соблазнил его неизвестно чем, упрямством, что ли?..

А сосед, погруженный в свои думы, широко расставив руки над двумя лунками, невозмутимо, как заведенный, опускал и поднимал то левую, то правую леску. Две удочки у него работали, как коромысло-маятник в часовом механизме. Полковнику, глядя на него, вдруг стало смешно. Как может взрослый, серьезный, видимо, человек проводить так нелепо дни? И, может быть, это не упорство, а просто лень? Нежелание подняться и отправиться в путь-дорогу?

Но тут же полковник поймал себя на том, что и у него тоже есть

еще надежда. День еще не кончился, — вот, вот повиснет на блесне сладко волнующая тяжесть.

Вверх, вниз, еще вниз, вдох-выдох, еще вдох-выдох, — пусть руки не спешат. Если будешь спешить, рыба попросту не успеет жить блесну. «Ну, возьми же, возьми!» Однако уговаривай, не уговаривай, ничего не меняется... И, оглядываясь по сторонам, он с грустью еще раз убедился, что день выдался на редкость серый, унылый, природа вокруг безрадостна, сосед со своими размеренными движениями просто неприятен, что в Доме рыбака сегодня вечером будет страшно скучно.

Он уже хотел спросить соседа: — А не отправиться ли нам домой? Но его внимание привлекли старик и мальчик, спускающиеся с берега.

Подросток лет тринадцати вел высокого сухого человека. Тот палькой нащупывал перед собой дорогу и держал голову с рыжеватой серебряной бородой неестественно высоко: словно он настороженно прислушивался.

Когда они вышли на реку, поводырь, прикинув на глаз расстояние от каких-то примет на берегу, стал рубить лунку.

Слепой... Вы слышали о нем? — негромко спросил полковник.

Неужели будет рыбу ловить?

Говорят, родился здесь, на берегу, в деревне. Тут же прожил больше шестидесяти лет. И ослеп давно...

Ловит по памяти?... — с трудом верил писатель. — Помнишь так, как будто видишь?..

Он перевел взгляд на голую равнину. Луга, заболоченные затерянными надолго паводками и высокими почвенными водами, уже ничем не напоминали о том, что в этих местах было раньше. Но того, как река обратилась в залив Московского моря, к ее берегам жались крестьянские селения. А сейчас здесь одно разнотравье уткам и зайцам, если бы не донимали их охотники и расплодившиеся лисы... Вчера он спугнул в прибрежном тальнике горноста. А в другой его приезд, вон в том перелеске, на холме, с шумом появилась из-под самых ног глухарка, кормившаяся, повидимому, брусничкой.

А ведь это было совсем недавно — избы и пашни, и огороды.

Писателю припомнилась строка поэта — «Сотрется след, а миру хоть бы что...»

След селений стерся. А вот человек пришел оттуда, с исчезнувших улиц. Слепой принес в своих остановившихся глазах призрачные виденья всего, что кануло и не вернется. Для него оно никогда не прекращалось. Он, должно быть, попрежнему видит сверстников, деревню, а вокруг нее — огороды и поля. Ему машут на окраинах ветки старых ветел. Перед ним, скрипя, раскрываются двери старых овинов.

Писатель с любопытством присматривался к слепому. Неподвижная фигура старика, его глаза, застывшие навсегда, разросшаяся

кустом борода, вся в инее, — все говорило о жизни большой и тяжелой в прошлом.

Парнишка пробил лунку и очистил ее от льда. Потом, чуть отступя, он сделал во льду ямку, воткнул в нее припасенный на берегу толстый прут, окружил его у основания кучкой осколков льда и снега, примял поплотнее и полил водой. Подозвал старика. Слепой, нащупав прут, взялся за него, а поводырь воткнул второй такой же прут шагах в трех. Потребовалось не много времени, чтобы мороз прихватил прутья. Тогда паренек привязал к ним бечеву. Она пришлась слепому немного выше валенок: легкий предупреждающий барьер, чтобы слепой не потерял ориентировку и не оступился в воду.

Приняв от парнишки можжевельное зимнее удилище с большой светлой блесной, слепой размотал леску, отмерил, закрепил спуск и начал блеснить. А малый тем временем, сидя на льду, уже ловко прилаживал к своим валенкам вынутые из мешка коньки. Он туго прижал их веревкой и еще натянул ее, накрутив на палочки, затем встал.

Старик тихо спросил его о чем-то. Полковник с писателем поняли, что вопрос был задан о них, — паренек тотчас же поглядел в нашу сторону, и, не скрывая зазорной улыбки, бросил в ответ что-то смешное.

Разминаясь, он сделал по льду крутой полукруг и лихо привстал с разлету на острые носки коньков. Приладил съехавшую на лоб шапчонку, подхватил на плечо пешню и покатил широким шагом, как заправский конькобежец, вверх по реке. Куда? Должно быть, поискать на отмелях окуньков. Из мешка за его спиной торчала небольшая удочка. Что ему тут сидеть со стариками?

Не успел полковник поделиться с писателем завистью к шустрой гонке, как услышали обращенный к ним спокойный глуховатый голос слепого старика:

— Хватает?

Не напрягая голоса, он завел беседу, как будто хорошо их видел.

— Нет, молчит, — ответил полковник.

— Вот позавчера с утра немного брал, поймали тут двое-трое, а потом почему-то пропал, — добавил писатель.

— Еще не скатился. Гуляет далеко, — глядя попрежнему куда-то поверх лугов, на край неба, невозмутимо сказал слепой.

— На Ламе? — заинтересовался писатель.

— Судачок-то? Нет, он по Шоше поднялся. А вот леёх, тот, поди, по Ламе ушел.

Старик произносил «лиощ», отчего эта рыба казалась особенно большой и жирной.

— Почему же судак по Шоше?

— А он чистую водичку любит.

Писатель вспомнил: действительно, слева бежит в Волгу быстрая Шоша, справа, из торфяных болот, вливается в нее тихая Лама с мутноватой, дурной на вкус водой.

— И долго они там гулять собираются? — с ноткой недоверия спросил писатель.

— Вода высокая, зачем им вниз спешить? — вопросом на вопрос ответил старик. У него была своя манера блеснить: он поднимал удочку в два или три приема как можно выше, потом опускал ее медленно, со многими остановками, подманивал блесной рыбу на разной глубине.

— Чего судачку здесь искать? Малька? Так его в верховьях да по заливам сейчас больше, — закончил он свою мысль.

— Далеко ли вверх идут Лама и Шоша?

— Далеко ли? — слепой улыбнулся. — Да вот по Ламе у московских людей был путь в варяги, — он говорил спокойно, будто давно прошедшее было ему близко, как вчерашний день. — Про Волоколамск помните? Богатый город, торговый. В старинные годы через него на север в Новгород, а дальше к варягам лодки шли со всяким русским рукоделием.

Вглядываясь в его морщинистое лицо, писатель на мгновение потерял ощущение времени. Он живо увидел большие лодки и сидевших на веслах смелых московских людей в остроконечных шапках. Солнце брызнуло над ними из разрыва бегущих туч. Услышал протяжную односложную песню. А старик продолжал:

Много душ здесь прошло, где мы стоим. А на юг, в Москворецку, наши умельцы волоком перетаскивали лодки по суху, там подольско, потому — и Волоколамск. А дальше езжай хоть в Персию... за всякой неписаной красотой.

За красотой? Почему же именно за красотой?

А что еще дедов наших туда завлекало? — опять вопросом на вопрос ответил писателю слепой.

Вы из Павельцева родом или из Пузырева? — спросил полковник, слышавший названия перенесенных отсюда деревень.

Жохово звали нашу деревню. Жох был наш брат, одним словом, — пошутил слепой. — А что же? Ведь Жохово как раз у впадения Ламы и Шоши стояло на пути из варяг в персы.

Удивительные названия своим поселениям дает русский народ, — вставил писатель. — «Три отрока», «Верни-городок», «Острая могила», «Бабий гон», «Село Мудроголовы». Каково? А то уже совсем просто и ясно: есть деревня — называется Жили. Ничего больше, — Жили и только. Да. А вот в нашу честь этот отрок на реке надо бы назвать, ну хотя бы «Зря сидели» или «Три старика — три бездельника...»

Помолчали.

Мудроголовы. И мне хорошо запомнилось название Мудроголовы, — заговорил полковник, стараясь скрыть вспыхнувшее от воспоминаний волнение, от которого у него вдруг порозовели щеки и обветренная кожа на лице стала еще темнее. — Было село, повидал и я это село. Красивое оно тогда было, перед тем как его подожгли фрицы. А сейчас там, конечно, колхозники отстроились еще лучше прежнего. Да, Мудроголовы. — Он помолчал

и добавил: — Жаль вот только нельзя человека отстроить так, чтобы он стал моложе, кудрявее.

— К вечеру щука начнет хватать, — уверенно сказал слепой.

— Будет брать? Почему вы думаете? — переспросил писатель, и безнадежно приподнял удочки.

И в это самое мгновение, по удивительному совпадению, какое случается в жизни с охотниками и рыболовами очень часто, что-то рвануло у него блесну. Рвануло, повисло трепеща, вновь рвануло. Зазевавшийся рыболов вскочил, отбросил вторую удочку и, уговаривая себя не спешить, стал дрожащими руками выбирать лесу. В лунке метнулась ощеренная пасть, и писателю показалось, что он увидел злой зеленый глаз. Пасть исчезла, последовал могучий рывок, леску пришлось немного отпустить, отдать метра два-три рыбе и потом осторожно начать выбирать снова. Чем короче становилась леска, тем туже она натягивалась. Писатель продолжал тянуть и вынимать леску, она падала около него на лед петлями. Наконец, из воды на воздух вылезла рыба морда, и за узкой головой из лунки стало вываливаться холодное скользкое туловище. Писатель поднял добычу и отбросил ее в сторону. Извивающаяся на льду щука показалась ему очень красивой.

За свою жизнь он вынул из воды немало разной рыбы, но не мог к этому привыкнуть. Каждый раз восхищался он сызнова то красавцем язем, то грубоватым и пылким окунем, разодетым пышно, как и подобает забияке-мушкетеру, или осторожным и меланхоличным лещом и даже простушкой-смирenniцей плотичкой, как будто видел их в первый раз. Не в этом ли и находил он неизъяснимую прелесть ловли?

Предстояла борьба из-за блесны. Щука упорно не хотела ее возвращать. В гневе стиснула зубами. Пришлось пустить в ход пружину зевника. Уступая давлению стали, пасть раскрылась неестественно широко. Но вид у щуки все еще был угрожающий. Кого хотела она напугать, кому со злостью грозила? Хотя и была она не длиннее полметра и весила всего-то немногим больше килограмма. Теперь рыболов ясно видел, что добыча его невелика.

Он мечтал когда-нибудь поймать щуку хотя бы в полпуда, ведь и пудовики-щуки в наших водоемах не должны быть редкостью. Но каждый раз, когда он вынимал щуку, к чувству удовлетворения примешивалась, — так это было и сейчас, — доля разочарования от несбывшейся надежды.

Все же он не мог не любоваться рыбой и был взволнован. Вновь уселся на свой ящичек и ногой отодвинул извивавшуюся щуку подальше от лунки. Затем, сдерживая себя, неторопливо опустил блесну в воду, забрал, как прежде, в обе руки по удочке и принялся поднимать и опускать их по очереди, все в том же, на первый взгляд, безразличном, но точно выверенном ритме.

— Ну, вот и обрыбились! — с тайной надеждой, раз дело началось, не отстать от соседа сказал полковник.

— С первым хвостом! — поздравил слепой. — А велика ли?